

Бредихин Владимир Евгеньевич, Двухжилова Ирина Владимировна

КОСВЕННОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

Рассмотрены вопросы косвенного налогообложения тамбовского крестьянства в период Первой мировой войны (1914 - октябрь 1917 г.). Представлена сравнительная оценка величины косвенного налога, уровня доходов и производственных возможностей крестьянского хозяйства. Сделан вывод об относительном и, в определённой степени, искусственном облегчении бремени косвенных налогов в тамбовской деревне в силу производящего характера губернии, роста продовольственных цен, благоприятной сельскохозяйственной конъюнктуры, государственных мер социальной поддержки семей призывников и сокращения потребления подакцизных и импортных товаров.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. III. С. 29-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

такие виды музея, как мемориальный, исторический, этнографический и прочие, связанные с производством различных форм самоидентификации. Отдельное значение приобретает понятие «память», которое связано с переживанием некоторого аффекта и через это аффективное переживание с конструированием социальной общности. Однако эта общность также может быть поставлена под сомнение, что делает, например, Ж. Бодрийяр, характеризуя подобные общности как псевдосоциальные [7].

Сегодня значение приобретает сам музей, музейное пространство. В этих условиях становится возможен даже музей без предметов, т.е. музей совершает переориентацию от собирательства к представлению (идей) [5, с. 38], что позволяет сделать вывод о том, что метафора музея как воплощения жизни или смерти устарела. Смысл музея не в том, чтобы вырывать предметы из контекста, лишая их жизни, или помещать их в новые, предопределенные метанарративом, контексты, даря им своего рода посмертное существование, а в том, чтобы создавать сами контексты и производить аффекты, которые в свою очередь могут и должны быть поставлены под вопрос.

Список литературы

1. **Валери П.** Проблема музеев // Валери П. Об искусстве. М.: Искусство, 1993. С. 205-208.
2. **Пруст М.** Под сенью девушек в цвету / пер. с фр. Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1976. 559 с.
3. **Фуко М.** Археология знания. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
4. **Фуко М.** Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47-96.
5. **Харрис Дж.** «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеефикация и новая музеология // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 31-41.
6. **Adorno T. W.** Valery Proust Museum // Adorno T. W. Prisms (Studies in Contemporary German Social Thought). MIT Press, 1988. P. 173-185.
7. **Baudrillard J.** Simulacra and Simulation. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994.
8. **Krauss R.** The Cultural Logic of Late Capitalist Museum // October. 1990. Vol. 54. P. 3-17.

MUSEUM AND METAPHORS OF DEATH AND IMMORTALITY

Bezubova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
National Mineral Resources University (Mining University)
bezubova_olga@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the role and functions of the museum in contemporary culture. The themes of immortality, alive and dead are discussed intensively enough in literature devoted to museum subject matter, however the mentioned metaphors are not always applicable for the description of the contemporary museum being not only a tool of museumification, but also an instance of the production of new cultural meanings. Special attention is paid to the comprehension of this problem in the works by the leading theoreticians of contemporary culture (T. Adorno, P. Valery, R. Krauss).

Key words and phrases: museum; museumification; modern art; postmodernity; aesthetic experience; affect; spectator.

УДК 94(47).084.6

Исторические науки и археология

Рассмотрены вопросы косвенного налогообложения тамбовского крестьянства в период Первой мировой войны (1914 – октябрь 1917 г.). Представлена сравнительная оценка величины косвенного налога, уровня доходов и производственных возможностей крестьянского хозяйства. Сделан вывод об относительном и, в определённой степени, искусственном облегчении бремени косвенных налогов в тамбовской деревне в силу производящего характера губернии, роста продовольственных цен, благоприятной сельскохозяйственной конъюнктуры, государственных мер социальной поддержки семей призванных и сокращения потребления подакцизных и импортных товаров.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; Первая мировая война; косвенные налоги; инфляция; мобилизация; крестьянский бюджет; производство; Тамбовская губерния.

Бредихин Владимир Евгеньевич, к.и.н., доцент
Двухжилова Ирина Владимировна, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
eriniya711971@mail.ru

КОСВЕННОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ©

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00277).

Статья посвящена одному из каналов правительственной мобилизации денежных ресурсов крестьянства в условиях Первой мировой войны – косвенному налогообложению. Выбор объекта исследования объясняется,

во-первых, наличием в научной литературе противоречивых оценок степени отягощённости крестьянства косвенными налогами в сравнении с довоенным периодом; во-вторых, доминирующей ролью косвенных налогов (с учётом внешнеторговых пошлин) в обычных бюджетных доходах в начале XX века; в-третьих, огромным фискальным значением русского крестьянства в силу его демографического потенциала, роста доходности и процесса денатурализации крестьянского хозяйства, ускоренного столыпинскими аграрными преобразованиями.

Решение исследовательских задач на материалах Тамбовской губернии представляется чрезвычайно показательным, поскольку данная территория была максимально насыщена сельским населением и являлась одним из крупнейших центров аграрного производства в предреволюционной России, имея стратегическое продовольственное значение для фронта.

В современной отечественной исторической литературе по истории налоговой политики России периода Первой мировой войны – исследованиях Е. С. Кравцовой, О. И. Марискина, В. М. Рынкова – проблеме косвенного обложения населения и крестьянства в частности в лучшем случае отведено самое скромное место [7, 8; 9; 10; 13]. Отсутствуют данные сюжеты и в работах, посвящённых истории тамбовского крестьянства периода 1914-1917 гг. [4; 6; 14]. Тем не менее, эти работы представляют ценность с точки зрения анализа влияния войны на материальную базу и уровень доходов крестьянского хозяйства.

В статье оценено влияние войны на тяжесть косвенного обложения земледельцев производящей Тамбовской губернии с учётом уровня доходности крестьянского хозяйства и специфики инфляционного процесса.

Косвенное налогообложение российского крестьянства, определявшееся, во-первых, размером ставок акцизов и таможенных пошлин на товары крестьянского потребления, а во-вторых, его участием в товарно-денежных отношениях, в начале XX века, по мнению исследователей, постоянно увеличивалось. В 1912 г. в Европейской России на долю косвенных налогов приходилось 65,8% всех налоговых платежей крестьянства, а их величина по отношению к среднему доходу составляла 9,6%, к условно-чистому доходу (фонду потребления) крестьянского хозяйства – 7,7%. Крестьянство перед войной являлось активным потребителем таких подакцизных товаров как керосин, спички, табак, сахар, а также, как и частные землевладельцы, платило таможенные пошлины за импортный чай и сельхозтехнику. На его долю перед войной приходилось 33% косвенных платежей по указанной номенклатуре товаров [5, с. 238, 252-254].

Сравнительная оценка тяжести косвенного налогообложения жителей тамбовского села в годы Первой мировой войны должна основываться на сопоставлении таких факторов как динамика ставок косвенных налогов; движение цен на продовольственные товары, реализуемые крестьянами, и промтовары, потребляемые земледельцами; уровень потребления промтоваров сельским населением; уровень производственных возможностей крестьянского хозяйства; особенности сельскохозяйственной конъюнктуры и условий сбыта; государственная финансовая поддержка семей мобилизованных и, конечно, если это возможно, на результатах анализа крестьянских бюджетов военного времени.

Данные земской статистики о движении цен в Тамбовской губернии за время войны, представленные в Таблице 1 [15, с. 126, 127, 141], свидетельствуют, что в аграрной Тамбовской губернии в период нахождения у власти царского и Временного правительств средний рост цен на промтовары опережал рост цен на продукты (за исключением зимних сезонов): в течение 1914-1916 гг. цены на промтовары в среднем увеличивались на 32,5%, быстрее цен на продовольствие, из чего следует вывод о пропорциональном финансовом обнищании местных сельхозпроизводителей.

Таблица 1

Период	Изменение цен за период, в %		
	Общий рост цен	Рост цен на продовольственные товары	Рост цен на непродовольственные товары
Август 1914 г.	12	10	24
1915 г.	28	26	40
1916 г.	106	104	116
Январь-февраль 1917 г.	271	271	268
Март-октябрь 1917 г.	95	91	118
Март 1917 г. – январь 1918 г.	353	381	183

Действительно, в годы войны наблюдался высокий рост ставок акцизов на товары, широко приобретаемые крестьянами: в 1916 г. норма косвенного обложения сахара составила 182%, табака – от 250% и выше, спичек – от 270 до 480%, керосина – 300% к уровню 1913 г. В то же время, акцизные поступления в бюджет в 1916 г. составили по сахару 135,6%, по табаку – 208,6%, по нефтепродуктам – 165,4%, по спичкам – 159,7% к уровню 1913 г., что свидетельствует о сильном сокращении объёма потребления этих видов товаров населением. Это неудивительно, учитывая их дороговизну и общее снижение размеров производства товаров народного потребления во время войны. Общеимперский налоговый сбор по указанным подакцизным товарам в 1916 г. составил всего 162% к уровню 1913 г., тогда как товарные цены только за 1915-1916 гг. выросли почти в четыре раза. Поэтому, учитывая рост цен на продовольствие (по Тамбовской губернии к 1917 г. 330%) и его массивные закупки правительством для фронта, напрашивается вывод об относительном, хотя и вынужденном облегчении косвенного налогового бремени крестьянства производящих губерний, в том числе Тамбовской, в военные годы [1, с. 246; 4, с. 42; 5, с. 238, 266, 267; 11, с. 46; 14, с. 46, 47].

Правда, А. М. Анфимов настаивает на том, что в расходную часть большинства крестьянских бюджетов необходимо включить не только рост протомоварных, но и хлебных цен, поскольку основная масса крестьянства являлась покупателем хлеба. Однако для производящей Тамбовской губернии, где основным видом (а в центральных и южных уездах – почти исключительным [3, д. 3, л. 124]) хозяйственной деятельности и источником существования сельского населения являлось земледелие, а не промыслы, этот вывод в целом представляется несправедливым (к 1914 г. Тамбовская губерния являлась одним из лидеров хлебного экспорта в стране, при этом около 70% товарного хлеба приходилось на долю крестьянских хозяйств). Исключение, очевидно, составляли бедняцко-батрацкие хозяйства, составлявшие заметный (25-35%), но не доминирующий слой сельских обывателей губернии. Но и для них война стала не только источником дополнительных бюджетных расходов, но и доходов за счёт резкого возрастания ценности рабочей силы: в 1915 г. цены на рабочие руки в сельском хозяйстве поднялись по отношению к прошлому году на 60-70%, что приблизительно, как видно из Таблицы 1, соответствовало росту товарных цен. В целом же, повторяем, рост продовольственных цен в Тамбовской губернии следует занести в доходную часть большинства крестьянских бюджетов и, тем более, частновладельческих экономий, особенно принимая во внимание благоприятную сельскохозяйственную конъюнктуру 1914-1916 гг. [1, с. 243; 4, с. 18-20, 42-44; 14, с. 47, 48].

В пользу снижения косвенного налогообложения крестьянства в период войны также свидетельствуют ликвидация в её начале казённой винной монополии и почти полное прекращение импорта сельхозмашин и удобрений, на которые перед войной в совокупности приходилось 80% косвенных налоговых платежей крестьянства Европейской России [5, с. 253].

Положительное значение «сухого закона» для крестьянских бюджетов, как справедливо указал ещё А. М. Анфимов, следует оценивать лишь с точки зрения сокращения затрат на водку оставшегося после мобилизации сельского населения. Однако обобщающий вывод известного историка, что крестьянство представляли в основном женщины, дети и старики, то есть малопьющие демографические группы, не совсем правилен хотя бы потому, что предельный призывной возраст в указанный период составлял 43 года и, следовательно, к 1917 г. в армии находились годные к воинской службе крестьяне в возрасте 19-45 лет, то есть далеко не все представители «пьющей» части мужского населения деревни. Применительно к Тамбовской губернии, мобилизации изыали к 1915 г. около 20%, к 1916 г. – около 30% и к 1917 г. – 42% трудоспособного мужского населения, что позволяет оспорить утверждение А. М. Анфимова о фиктивном значении «сухого закона» для роста благосостояния крестьянства [1, с. 243]. Также нуждается в уточнении тезис Анфимова о расходовании крестьянами сэкономленных на «сухом законе» денежных сумм на подпольные спиртовые суррогаты: проведённый в 1915-1916 гг. анкетный опрос крестьян Тамбовской губернии показал незначительные размеры потребления подпольных спиртных напитков – в 1916 г. в среднем по губернии это подтвердили 1,4% респондентов. В то же время, на вопрос о влиянии «сухого закона» на экономическое положение крестьянского хозяйства позитивные сдвиги отметили 25-30% респондентов. Специально изучавший этот вопрос современный исследователь К. В. Самохин в итоге пришёл к заключению о положительном финансовом значении указанной меры для тамбовского крестьянства [14, с. 40, 104, 117, 120; 16, с. 45; 17, с. 37].

Относительное снижение бремени косвенного налогообложения тамбовского крестьянства в период войны, как было указано, определялось не только вынужденным сокращением потребления подакцизных и импортных товаров, введением «сухого закона», но и извлечением дополнительного дохода от роста цен на продовольствие. Однако воспользоваться этой ситуацией крестьянин мог только через реализацию товарной продукции, что, в свою очередь, зависело от производственных возможностей крестьянского хозяйства, сельскохозяйственной конъюнктуры и условий сбыта. Данный вопрос на материалах Тамбовской губернии был обстоятельно рассмотрен С. А. Есиковым и К. В. Самохиным [4; 14].

Представленные в работах историков сведения позволяют сделать вполне определённый вывод о благоприятной сельскохозяйственной конъюнктуре на территории Тамбовской губернии в период войны. Во-первых, 1914-1916 гг. были отмечены высокой урожайностью зерновых, которая на крестьянских землях почти в два раза превысила показатель 1913 г. и только в 1917 г. приблизилась к предвоенному уровню. Во-вторых, война не привела к сокращению крестьянских посевных площадей, а в 1917 г. даже наблюдалось некоторое их увеличение. Эти факты говорят о способности тамбовской деревни производить товарную продукцию в значительных объёмах [4, с. 19, 107; 14, с. 41, 106].

Условия сбыта в целом также складывались в пользу крестьян: массированные государственные закупки хлеба и фуража в 1914 г. осуществлялись по таксированным, но фактически рыночным ценам; в 1915 г. – по твёрдым ценам чуть выше рыночных; и только в 1916 г. твёрдые закупочные цены были установлены ниже рыночных показателей, что сразу затруднило процесс заготовок. Переход правительства зимой 1916-1917 гг. к продовольственной развёрстке лишил крестьян рыночных доходов от продажи зерна, а, следовательно, и стимулов к выполнению развёрсточных заданий. Однако Февральская революция фактически избавила крестьянство от принудительной сдачи хлеба государству до весны 1918 г. Что касается реквизиций, которые снижали денежные доходы крестьянства от государственных заготовок, они, согласно выводам С. А. Есикова и К. В. Самохина, по хлебу и фуражу применялись в Тамбовской губернии в исключительных случаях, а по скоту – регулярно с начала войны, поскольку изъятие коровы и лошади, наносившее прямой материальный и производственный ущерб крестьянскому хозяйству, не компенсировалось полученным денежным доходом и на добровольной основе было невозможно [4, с. 41-48; 14, с. 44-47].

Неоднозначно обстоит дело с производственными возможностями тамбовского крестьянства в военные годы. Трудовые ресурсы деревни к 1916 г., конечно, оказались подорваны мобилизациями, о чём упоминалось ранее, но не истощены, поскольку перед войной в губернии наблюдался значительный избыток сельского населения, по некоторым оценкам превышавший 40%, притом, что отхожие промыслы, развитые почти исключительно в северных уездах, отвлекали не более 6-7% трудоспособного мужского населения. В итоге в 1916-1917 гг. крестьянство сумело компенсировать убыль мужчин увеличением доли женского труда, которая выросла с 50 до 70%. Другое дело, что рабочая сила была распределена по крестьянским хозяйствам неравномерно: в наименьшей степени её убыль ощутили хозяйства зажиточных крестьян, в наибольшей – бедняков. Приведённые К. В. Самохиным данные опросов тамбовских крестьян на предмет влияния войны на наличность в крестьянских хозяйствах рабочей силы показывают, что в 1915 г. её нехватку ощутили 11-12% хозяйств, а в 1916 г. – 6%, согласно показаниям добровольных респондентов, и почти 23% – согласно показаниям волостных правлений. По данным же сельскохозяйственной переписи 1917 г., работников трудоспособного возраста лишилось 26,4% крестьянских хозяйств. При этом сокращение отхожих промыслов в 1915-1916 г. отметило примерно 7% респондентов, что не позволяет говорить о существенных потерях в местных крестьянских бюджетах по этой статье доходов во время войны. Бюджетные потери тамбовского крестьянства от неизбежного в условиях нехватки рабочих рук сокращения местной промысловой деятельности определить затруднительно [4, с. 23, 24, 43, 103, 106; 14, с. 41, 104, 105, 107].

Состояние материальной базы крестьянских хозяйств Тамбовской губернии во время войны в целом нельзя признать кризисным. Реквизиции скота в тамбовской деревне не привели к сокращению поголовья крупного рогатого скота и лошадей, а численность коз и свиней значительно выросла, в том числе под влиянием государственного оборонного спроса на свинину. Правда, изменилось качество конского поголовья – убыль рабочих лошадей компенсировалась приростом молодняка. Война незначительно увеличила численность бескоровных (с 24,8% до 26,1%) и безлошадных (с 35% до 38%) хозяйств. В наибольшей степени кризисные последствия войны проявились в растениеводстве: доля беспосевных хозяйств к 1917 г. составила 23%, что означало невозможность для данной группы тамбовского крестьянства извлечь доходы от роста продовольственных цен. Эта категория крестьян, если их хозяйство не носило скотоводческого характера, в полной мере должна была ощутить на себе рост военных цен на продовольственные и промышленные товары, что, вероятно, обрекало её на нищету [4, с. 44, 105; 14, с. 42, 43, 45, 46, 48].

Вопрос государственной финансовой поддержки семей мобилизованных крестьян Тамбовской губернии в 1914-1917 гг. в новейшее время специально изучался К. В. Самохиным, который пришёл к заключению, что казённые денежные пособия семьям военнослужащих («солдатские пайки»), которыми во всех случаях обеспечивались жёны и дети призванных, а также, в случае нетрудоспособности, другие ближайшие родственники – иждивенцы призванного, несмотря на то, что их индексация отставала от темпов роста цен, являлись важным финансовым подспорьем, обеспечивая в среднем семье мобилизованного крестьянина Тамбовской губернии дополнительный доход во втором полугодии 1914 г. – 35 рублей, а в 1915 г. – 110 рублей, что при наличии других источников дохода её существование приемлемым. Долю обеспеченных пособиями семей военнослужащих К. В. Самохин приблизительно определил в 80-83%, а в целом их доля по Тамбовской губернии составила не менее 20% [14, с. 32-35].

Наиболее надёжным источником для сравнительного определения уровня доходов и тяжести налогообложения сельского населения являются бюджетные обследования крестьянских хозяйств. В Тамбовской губернии такое обследование было проведено летом 1915 г. А. Н. Челинцевым, а его результаты подробно проанализированы С. Н. Прокоповичем [12]. Данное обследование позволяет нам выявить величину доходов и расходов тамбовских крестьян на начальном этапе войны. Обследование показало, что в среднем совокупный годовой чистый доход крестьянского двора от сельского хозяйства и промыслов составлял 585 рублей, а в расчёте на одного члена семьи – 70 рублей, что превышало аналогичные показатели по расходам (соответственно 539 рублей и 64 рубля) на 8,5%, оседая в виде накоплений. Годовой личный расход на одного члена семьи составлял 64 рубля, что на 28% превышало уровень потребления взрослого мужчины-крестьянина, рассчитанный А. В. Чайновым (50 рублей), и на 60% – минимальный уровень душевого потребления крестьянской семьи, предложенный С. Н. Прокоповичем (40 рублей). Однако, во-первых, такой уровень жизни был возможен только при наличии промысловых заработков, составлявших 26% годового совокупного чистого дохода крестьянской семьи, и 35% – в расчёте на одного члена семьи. Во-вторых, даже с учётом неземледельческих доходов стандарт потребления А. В. Чайнова не выдерживали 20% обследованных крестьянских дворов, а минимальную норму С. Н. Прокоповича – 4,7%. Без учёта промысловых доходов, величина которых по мере изъятия мужской рабочей силы в армию по логике должна была падать, минимальный уровень потребления в 40 рублей могло поддерживать только 62% крестьянских дворов [Там же, с. 29, 76, 89, 104, 116, 117, 118, 144, 145, 230].

К сожалению, отсутствуют аналогичные обследования тамбовского крестьянства на заключительном этапе войны, что не позволяет оценить её влияние на крестьянские бюджеты, как это сделал Н. Д. Кондратьев на материалах также производящей Симбирской губернии. Расчёты Н. Д. Кондратьева показали устойчивый рост в 1914-1916 гг. как валового, так и чистого денежного дохода симбирских крестьян: первого – на 170%, второго – в 10 раз, что означало увеличение денежных накоплений крестьянства [2, с. 312, 313].

О наличии у крестьянства в годы войны абсолютного прироста денежных накоплений свидетельствует анализ динамики крестьянских вкладов в государственные сберегательные кассы, проведённый В. В. Страховым.

Он показал, что с начала 1915 г. и вплоть до большевистского переворота 1917 г. объём денежных средств в сберкассах империи увеличился почти в три раза (на 170%), причём 25-28% прироста дали сбережения крестьянства [18].

Таким образом, проведённое исследование показывает, что в целом бремя косвенного налогообложения тамбовского крестьянства в период Первой мировой войны снижалось. Причины роста его денежных доходов крылись в понижении доступности для сельского населения подакцизных промышленных товаров; благоприятной сельскохозяйственной конъюнктуре и возможностях сбыта продукции, отчасти – государственной финансовой поддержке семей военнослужащих. Данный вывод касается большинства, но далеко не всех крестьян Тамбовской губернии: беспосевные дворы, составлявшие к концу войны 1/4 часть, не смогли воспользоваться ростом продовольственных цен и в полной мере ощутили последствия инфляции. Однако параллельно с ростом денежных накоплений наблюдалось хозяйственное истощение крестьянского двора, вызванное мобилизациями его трудовых ресурсов и реквизициями рабочего скота на нужды войны.

Список литературы

1. **Анфимов А. М.** Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. 384 с.
2. **Белоусов Р. А.** Экономическая история России: XX век. М.: ИздАТ, 1999. Кн. 1. 408 с.
3. **Государственный архив Тамбовской области.** Ф. 15. Оп. 78.
4. **Есиков С. А.** Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900-1921 гг.). Тамбов: Тамбовский государственный технический ун-т, 1998. 108 с.
5. **Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацко М. К.** История налогов в России. IX – начало XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 296 с.
6. **Иванов А. А.** Крестьянское хозяйство Чернозёмного центра России накануне и в годы Первой мировой войны: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1998. 18 с.
7. **Кравцова Е. С.** Модернизация налоговой системы России: 1885-1917 гг.: дисс. ... д.и.н. Курск, 2011. 602 с.
8. **Кравцова Е. С.** Налоги в России в конце XIX – начале XX века: на примере Курской губернии: дисс. ... к.и.н. Курск, 2003. 272 с.
9. **Марискин О. И.** Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2004. 240 с.
10. **Марискин О. И.** Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья): дисс. ... д.и.н. Саранск, 2004. 514 с.
11. **Марискин О. И., Скворцова И. Г., Соловьева Ю. О.** Налоговая система и денежное обращение в России в период Первой мировой войны // Экономическая история. 2014. № 4 (27). С. 44-49.
12. **Прокопович С. Н.** Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин: Кооперативная мысль, 1924. 246 с.
13. **Рынков В. М.** Налогообложение сибирского крестьянства в период войн и революций (1914-1919 гг.) // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890-1920-е гг.): сб. науч. трудов / под ред. В. А. Ильиных. Новосибирск, 2004. С. 48-77.
14. **Самохин К. В.** Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб.: Нестор, 2004. 122 с.
15. **Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии.** Тамбов: Гостипография № 2, 1922. № 1. 228 с.
16. **Статистический ежегодник России. 1915 г. (год двенадцатый).** Петроград: Центрально-статистический комитет, 1916. 668 с.
17. **Статистический ежегодник России. 1916 г. (год тринадцатый).** Петроград: Центрально-статистический комитет, 1918. Вып. 1. 126 с.
18. **Страхов В. В.** Крестьянские вклады в сберегательных кассах периода Первой мировой войны как индикатор товарности их хозяйства // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орёл: ОГУ; Орловская правда, 2006. С. 316-322.

INDIRECT TAXATION OF TAMBOV PEASANTRY IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR: EXPERIENCE OF COMPARATIVE EVALUATION

Bredikhin Vladimir Evgen'evich, Ph. D. in History, Associate Professor

Dvukhzhilova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor

*Tambov State Technical University
eriniya711971@mail.ru*

The article focuses on the indirect taxation of Tambov peasantry in the period of the First World War (1914 – October, 1917). The authors provide the comparative evaluation of the indirect tax amount, income level and productive capacity of the peasant economy. The paper concludes on the relative and, in a certain degree, artificial easing of the indirect tax burden in Tambov countryside due to the province productive nature, food price growth, favourable agricultural situation, state measures of social support for the recruits' families and reducing the consumption of excisable and imported goods.

Key words and phrases: peasantry; The First World War; indirect taxes; inflation; mobilization; peasant's budget; production; Tambov province.